

Копипаста:СтеклЯнный цвЕток — Lurkmore

По узенькой провинциальной улочке города N, сбоку набок переваливаясь в колдобинах, медленно, стараясь раньше времени не загреметь в ремонт, матово отливая хромом, ехал... нет, плыл «Кадиллак» — эдакая сухопутная каравелла. «Апять артисты приехали», — шепелявили беззубыми ртами местные, как и везде всё знающие, бабки. Навстречу автомобилю из-за поворота вывернулась лужа, в берегах подобная морю и совершенно неопределённая в мелях и впадинах. Лениво открылась дверца, и холёный водитель, он же охранник, брезгливо вступая лакированными туфлями на давно не убираемый асфальт, вылез из чудо корабля. «Бля, твою мать», — сказала лицо, со злостью пожевав щеками. «Боря, ну что там?», — раздался гнусавый голос сидящего в машине мужчины. «Антон Мукасьич, потонем мы тут. Может попробуем дальше проехать?». «Боря, едем здесь, я уже опаздываю». Боря, поразмыслив бровями, начал засовывать свой спортивный зад вовнутрь, но вдруг увидел пацанчика, идущего с противоположной стороны лужи-моря. Резиновые сапоги с высокими голенищами, неопределенного цвета свитерок, выбивающийся из под курточки-ветровки, серенькие старенькие брючишки позволяли исследователю местных морских глубин смело шагать вперед, толкая длинной палкой не то яхточку, не то лодочку, а может быть даже фрегат. «Эй, пацан!», — крикнула личность, зовущаяся Борей: «Хочешь заработать?». Поняв по блеснувшим пацанячьим глазкам, что хочет, личность продолжила: «В этой луже нет больших ям?». «Дяденька, есть одна, вон там, около забора, я покажу». Кадиллак фыркнув, медленно, с достоинством въехал в воду. В стороны разбежались грязные волны. Едва сам не провалившись, пацан показал место подводной ямы. Машина форсировала преграду. Открылась задняя дверца. Рука в перстне поманила мальчишку: «Как тебя зовут?». «Валя», сказал малыш, опустив голову. Владелец перстня открыл было бумажник, но передумал, спросил: «Валёк, а поехали ко мне на концерт?».

Публика в нетерпении хлопала. Антон Мукасеевич нервничал, подгоняя гримера, иногда оглядываясь на маленького гостя, хмурился, не понимая во что переодеть пацана, но потом махнул рукой: «Света, почистите мальчишке одежду и посадите где-нибудь, чтобы не бросался в глаза».

Вальку вычистили, поставили стул сбоку от сцены, и он, впервые в своей маленькой жизни попал на настоящий, «не по телеку» концерт. Певца он вроде бы даже узнал, но очень удивился, что Антон Мукасеевич не повар или, скажем, путешественник. Валька радостно хлопал в ладоши, подпевал, ерзал на заднице, иногда вскакивал и приплясывал, потом, застеснявшись, на минуту успокаивался, заворожено глядя на сцену. Антону бросали цветы, женщины старались обнять, поцеловать, дарили разные безделушки: мягкие игрушки, фото и даже один большой стеклянный цветок. И вот последняя песня, выход на бис, ещё раз, цветы, автографы. Валька понял, что пора... Антон ушёл со сцены, но вспомнив о своём госте, быстро вернулся, окликнул. Тогда Валька ещё подумал: «А зачем?». Антон спросил: «Валька, а не хочешь ли ты перекусить?». Давно булькало в животе, напоминая, что пора бы.

И опять всё было хорошо и красиво. Какие-то блюда, странно, совсем не съедобно называемые, но вкусные. Музыка и белозубые, улыбчивые официантки. Валька наелся так, что не хотелось двигаться, пыхтел, хватаясь руками за живот. Антон, глядя на мальчишку, смеялся, рассказывал анекдоты, спрашивал как живётся. Так и выяснилось, что Вальку дома особенно не ждут: приглядывает за ним сестра бабушки, отец давно ушел из семьи, а мама за границей зарабатывает деньги, иногда немного присылает. Нет, Валька не чувствовал себя бездомным и обделенным, у него были родные, был дом, то есть не дом, а маленькая, старенькая комнатенка в коммуналке, где собственно и жила вся «семья»: парализованная бабушка, её сестра и он сам. Ещё Валька ходил в школу, правда делать он этого не любил. Не нравились ему вечно ворчащие и иногда раздающие подзатыльники учителя, да и с одноклассниками не сдружился... так получилось. И вот теперь Антон, то есть Антон Мукасеевич... Да! Валька согласен, он с радостью поедет сегодня к нему в гостиницу. Нет! Его не будут не будут искать. Да, он останется на ночь...

Вкусный запах дорогих сигарет... шипучее, искрящееся вино... пахнущие горным ветром белоснежные простыни... нежные сильные мужские руки...

Утро. Записка на столе. Сто баксов в том самом стеклянном цветке. Горькая слёзка, стекающая по мальчишеской щеке. Ох, Валька, разве ты не знал, что стеклянные цветы не пахнут?

— BaLu ©

Читать ещё

- [Денис Попов](#)